

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Л. В. Рыбачева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 ноября.2021 г.

Аннотация: в современной публицистике отмечается разнообразие структурно-синтаксических типов вставных структур, обладающих экспрессивно-стилистическим потенциалом, который находит выражение в лексической экспрессии (сочетание лексики разных стилей), а также в использовании конструкций экспрессивного синтаксиса. В публицистике Д. Быкова вставные конструкции участвуют в создании контакта с читателем, в выражении авторского отношения к описываемым событиям (чаще всего иронического).

Ключевые слова: вставная конструкция, экспрессивность, публицистический стиль.

Abstract: in modern journalism, there is a multitude of structural and syntactic types of plug-in structures with the expressive and stylistic potential, which finds expression in a lexical expression (a combination of vocabulary from different styles), as well as in the use of the constructions of expressive syntax. In terms of the author's relationship to the events described (often ironic).

Keywords: Plug-in design, expressiveness, journalistic style.

В современной публицистике отмечается рост экспрессивных синтаксических конструкций, что обусловлено, с одной стороны, лингвистическими факторами (развитие системы функциональных стилей), а также экстралингвистическими факторами (развитие массовой, адресованной речи, связанной с применением средств массовой коммуникации). А. М. Пешковский, описывая вводные слова и словосочетания, именительный темы, обращения, междометия, назвал данные явления «внутренне о чуждыми приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм» [1, 404]. Такого же мнения придерживается Г. Н. Акимов, полагая, что «включенные в состав (базового) предложения слова, словосочетания, предложения... прерывают ход выражения мысли ассоциативно возникающими уточнениями, пояснениями, дополнениями и замечаниями» [2]. Говоря об использовании вставных конструкций в разных стилях речи, Г. Н. Акимов отмечает частотность их использования в полемической публицистике и отмечает их особую экспрессию [3, 59]. Она предлагает, прежде всего, разграничивать эмоциональность и экспрессивность. По мнению автора, эмоции отличаются произвольностью, непреднамеренностью, так как они связаны с чувствами, в то время как экспрессия является «средством воздействия, когда говорящий (пишущий) осознает преднамеренность использования определенных языковых средств». В итоге Г. Н. Акимов приходит к выводу, что вставные конструкции, являясь добавочным сообщением, помещенным в скобки, облада-

ют оценочностью и содержат семантику удивления и несогласия» [3, 55].

Отмечая, что экспрессия как синтаксический прием, повышающий образительность речи, принципиально зависит от формы речи (устной или письменной) и от функциональной принадлежности», В. В. Виноградов считает, что «экспрессивная образительность в синтаксисе была понята как определенный художественный прием, свойственный «новой прозе» (Карамзин, Пушкин) и выраженный на формально-синтаксическом уровне» [4]. Этот аспект экспрессии в синтаксисе был развит в 60-х годах XX века, когда возник термин «экспрессивный синтаксис». Показателем экспрессивного синтаксиса являлась синтаксическая расчлененность, т.е. цепочки словоформ.

Вслед за Г. Н. Акимовой мы понимаем синтаксическое расчленение широко — как «...некое отступление от принципов синтагматической прозы, связанной с разрывом синтаксических связей как в словосочетании, так и в предложении» [3, 87]. Формальными средствами выражения экспрессии в синтаксисе являются парцелляция, лексический повтор, вопросно-ответные конструкции, а также вставные конструкции.

Что же касается вставных структур, то в современной публицистике наблюдается тенденция расширения структурно-семантического состава вставных конструкций. Так, в публицистике Д. Быкова кроме слов, словосочетаний, придаточных предложений, простых, сложных предложений в качестве вставной конструкции могут использоваться только пунктуационные знаки (один или три восклицательных

знака, вопросительный знак, а также многоточие), например: *Три (!) издания опубликовали несмешной анекдот про то, что сдается кабинет вице-премьера с широким валютным коридором; Сначала против Доренко было возбуждено московскими властями уголовное (!!!) дело по клевете; Хотя так уж разделять эти две сферы я не стал бы: просто, как писал Блок, «проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря (...)*».

Кроме того, расширяется возможность использования вставного предложения, заключенного в скобки, не входящего в состав предложения, то есть вставная конструкция осложняет не только предложение, но и текст, например: *Потом распустили слух, будто Керенский в Зимнем спит на царицыной кровати. И наконец придумали, будто он 25 октября бежал из дворца, переодевшись в женское платье. И ведь знали, шельмецы, что он еще утром поехал в Гатчину — поднимать войска на защиту города! (Никого не поднял): Что вам дался Пушкин, единственный абсолютно свободный и самодостаточный русский поэт, олицетворение радостной независимости, беззлобного цинизма и бескорыстного, безыдейного сладкозвучия! Оставьте вы нации хоть что-нибудь неопошленное, несводимое к легенде о добром поэте, любившем свой добрый народ! (Поэт так любил народ, что в Михайловском и поныне можно встретить курчавых брюнетов с бакенбардами — и в шестом колене дает себя знать буйная арапская кровь!) Молчите, проклятые книги, он вас не писал никогда!*

Экспрессивность создается за счет использования во вставной конструкции лексики разговорного или просторечной, жаргонной. Например: *Я почти убежден (всегда сохраняется шанс на чью-либо безбашенность либо нервный срыв), что Россия удержится от военных действий на территории Крыма и пресечет любые провокации неумеренных патриотов; И тут выясняется, что все выдохлось: что все приемы пропагандистской истерики в исполнении Соловьева-Киселева-Жириновского (его по праву надо вписать в их ряд, ибо из ток-шоу он уже не вылезает) перестали вдохновлять аудиторию и начали ее забавлять; А тем, кто сегодня меня порицает за беспринципность, за мягкость в лучшем случае и аморальность в худшем, — нельзя же защищать того, кого специально скармлили большинству! — я могу ответить только одно: ребята, когда посадят вас, я тоже буду просить, чтобы вас отпустили; В отсутствии врагов — или при нарастающей усталости от одних и тех же вражеских лиц, щельмуемых где возможно аж с 2011 года, — что вы будете предлагать в качестве позитива, то есть светлого будущего? Какая его модель сегодня привлекательна?*

Д. Быков прибегает к помощи вставок, чтобы уточнить, расширить информацию, выразить авторскую позицию: *Иными словами, самодержавие, опирающееся на армию и спецслужбы, представляется российским респондентам не столько идеальной структурой, — об этом можно спорить, — сколько единственно возможным вариантом; В общем, это было хорошо сыгранное безумие, имевшее единственной целью внушить единственному (уверен в этом) Телезрителю, что с ним можно и так! Не исключено, что они обратятся с просьбой о немедленной защите со стороны России. Так что я бы — по-нашему, по-креативному — уже присматривал подходящих русскоговорящих. И подходящую иву; В Сеть мы выкладываем подлинные или инсценированные (лучше бы, конечно, подлинные) сцены избиений всех этих национал-предателей.*

Вставки в текстах публициста передают не только убедительность, категоричность, но и концентрируют внимание читателя на самом важном, существенном, например: *Про всякую несогласную элиту я вообще молчу — их сбережения попросту изымаются, потому что не может иметь наши российские рубли тот, кто в тяжелый миг отрекается от вскормившей его Родины, тот, кто коваными натовско-бандеровскими сапогами топчет ее беззащитную грудь. (Риторика должна быть сильной, нынешние писатели из числа доверенных лиц так не умеют); Россия не может окультурировать собственные бескрайние земли, но без присвоения чужого пространства ей не удержать нынешнего статуса (споры о том, насколько данное пространство является чужим, оставим так называемым геополитикам; спор с человеком надо прекращать после того, как он употребит слова «геополитика», «соборность» или «русофобия»).*

В публицистике Д. Быкова вставные конструкции чаще всего создают иронический подтекст, который формируется за счет смешения лексики разных стилей — письменного, включающего общественно-политическую лексику, и устного, включающего лексику бытовую, которая используется во вставных конструкциях, например: *Самая массивная телепропаганда не заставит россиян поверить, что в подорожании мяса и овощей (а также водки!) виноваты обвиняемые по «болотному делу», подзуживаемые братьями Навальными; Слова «Олимпиада», «геополитика», «англосаксы», «рост», «авторитет» (без определения «криминальный»), «восторг», «умиление», «рейтинг» (с определением «растущий»), «хомячки» (в социологическом, а не зоологическом значении), «агенты» (влиятельные), «Госдеп» — приз 1000 рублей и включение употребившего в кадровый резерв посетителей спецбуфета; возможна система призов; Это очень хорошо — готовность противопоставлять себя всему миру во имя высшей духовности, и в советское время это ноу-хау даже работало — смотрите, мол, у нас нет джинсов, плохо с колбасой (без колбасы хо-*

рошо, ничто не отвлекает), но зато у нас Тарковский, Плисецкая и Трифонов; мы им, конечно, жизни не даем, но без этого давления они задохнутся, Тарковский сам говорит — я рыба глубоководная! На поверхности такая рыба что? — лопнет; Одичание, увы, шло с обеих сторон. И сколь бы сильно я ни желал украинским братьям как можно скорее очутиться под сенью Евросоюза (хотя бы для того, чтобы во всех своих бедах обвинять уже его, а не нас, грешных) — никак у меня не получается ощутить себя в сегодняшней Украине как в Европе: нетерпимость, опасность, беспросветность будущего — чистая Москва-1993; И умиляться народному волеизъявлению — как же, демократия в действии! — тоже можно не бесконечно: толпа неспособна решать судьбу страны.

Кроме того, вставные конструкции могут быть конструкциями экспрессивного синтаксиса, например: Наш герой Доренко буквально на глазах сдулся. То есть он уже до такой степени привык, что все его облизывают — успевай поворачиваться, — что эскапады ведущего ОРТ были для него совершенным шоком.

Вставные конструкции могут использовать прием языковой игры, в них частотны аллюзии: Когда тебя слишком долго любили за деньги или блага, а все способные любить бескорыстно давно разогнаны или переметнулись в оппозицию, — как-то странно заявлять, что вот мы затаедем (пояса, агонию, «Дубинушку») — зато с утроенной силой сплотимся; Европейцы болеют фашизмом в тяжелой форме: иногда перерождаются, как итальянцы, а иногда вообще не выживают, как немцы (согласимся, нынешняя Германия к «сумрачному германскому гению», к стране Нибелунгов, Фауста и Ницше отношения не имеет вообще); Возможны остроумные интеллектуальные спекуляции на тему самосохранения деградирующей империи, которая должна самоутверждаться одновременно и как ведущий игрок в мировой геополитике, и как образец мирного, радостного центра спортивной и культурной жизни («мы делаем ракеты» — «а также в области балета»).

Наконец, экспрессивность вставных конструкций создается за счет диалогизации повествования. Это выражается, во-первых, с помощью всякого рода авторских извинений типа прошу прощения, простите, извините и т.п., например: Это напоминает (прошу прощения за грубое сравнение) гуманного хозяина, который снимает со старого пса ошейник, сует ему в зубы справку о реабилитации и отправляет на все четыре стороны; Я предлагаю решить проблему раз

и навсегда, причем мягкими экономическими методами. У меня в романе «ЖД» — простите за саморекламу, но всегда приятно, когда твои прогнозы сбываются, — описана ситуация где-то примерно десятилетиями, и главной ее приметой в России становится государственная монополия на язык.

Во-вторых, с помощью использования разного рода обращений (господа, товарищи), например: На самом ностальгическом телеканале сменяют друг друга чудовищные заставки: на фоне стилизованных черно-белых силуэтов куц и оград стоит конторка, за нею Пушкин с во-от таким пером (товарищи, вы в самом деле полагаете, что гусиное перо выглядело именно так?).

В-третьих, с помощью определенно-личных предложений, например: И сплотимся вокруг любого руководителя — слышите, любого! — потому что наши разногласия с ним совершенно ничтожны на фоне бездны, отделяющей нас от прочего человечества. Когда-то Юлий Гусман, придумавший «Нику» и бессменно ее воплощавший в жизнь, говорил автору этих строк: когда на церемонии «Оскара» Де Ниро обнимает и поздравляет Аль Пачино, а Коппола целуется со Скорсезе (ну допустим, представим, хоть я и не помню таких поцелуев, — подставьте любые другие звездные имена) это нормально, этому веришь. Когда чествуют кого-то из наших — большинство смотрит с плохо скрываемой ненавистью.

Таким образом, вставные конструкции в публицистике Д. Быкова отличаются яркой экспрессией, которая находит выражение в подборе лексических средств, в сочетании лексики разных стилей, в использовании экспрессивных синтаксических конструкций, а также в использовании различных средств создания диалога с читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Изд. 7-е. — М.: Учпедгиз, 1956. — 511 с.
2. Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. — СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. — 346 с.
3. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. — М.: Высшая школа, 1990. — 166 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959. — 654 с.

Воронежский государственный университет

Рыбачева Л. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: rybacheval@mail.ru

Voronezh State University

Rybacheva L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Theory of Literature and Humanities

E-mail: rybacheval@mail.ru